

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192

«Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства

С. А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук. E-mail: krass49@gmail.com
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В публикации обосновывается междисциплинарный подход к изучению аппаратных «чисток» в СССР времени «Великого Перелома» в контексте изучения системного кризиса легитимности институтов партийной власти в их взаимоотношениях с базовыми группами социума. Основная цель управленческой «генеральной чистки» состояла в сохранении во власти ее «корпоративного ядра» олигархического типа (охранительная функция) средствами социально-политической мобилизации конфронтационного типа, когда вовлечение новых групп из доктринальной для власти социальной основы («орабочивание», «выдвиженчество») в сферу управления одновременно сопровождалось изъятиями из нее так называемых «бывших» – чуждых, старых спецов. Тем самым проблематичной оказывалась как официально провозглашенная цель (повышение уровней управленческой эффективности власти и ее социальной легитимности), так и скрытая (консолидация собственного бюрократического ядра власти обесценивалась высокой текучестью, кадровым «отсевом»). Конфликт принципов доктринальности и прагматизма в ходе «генеральной чистки» подрывал ее эффективность как антикризисного действия.

Ключевые слова: «генеральная чистка» госаппарата; кризис легитимности власти; доктринальность; прагматизм; охранительность; социально-политическая мобилизация

«Когда чистили, было как-то весело, а когда надо следить за повседневной работой аппарата, то это уже не то».

Из выступления Г.К. Орджоникидзе на XVI съезде партии об участии рабочих в кампании «чистки»

Проблемная ситуация

Организованная «сверху» государством и «поддержанная снизу» путем вовлечения значительных слоев рабочих и служащих процедура проверки аппаратов управления всех уровней, получившая название «Генеральной чистки», осуществлялась

с лета 1929 г. до начала 1933 г. «Чистка» велась с различной интенсивностью, затронув, по приблизительным оценкам, до 2 млн работников сфер управления, из них 200 тыс. «вычистили» [Морозов, Портнов, 1964. С. 139–140].

Официально возложенная на аппарат Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) госпроверка управленческих кадров проводилась подчеркнуто публично, с привлечением к работе комиссий представителей рабочих бригад, с персональными «чистками» служащих на открытых собраниях с участием в них рабочих тех предприятий, которые осуществляли «шефство» над конкретными учреждениями.

Согласно регламенту, не прошедшие процедуру проверки служащие делились на три учетные категории: лица, зачисленные в первую категорию, подлежали немедленному увольнению без права заниматься какой-либо деятельностью в сфере управления; оказавшиеся во второй категории также увольнялись с работы, но могли быть приняты в других организациях без права занятия руководящих должностей; отнесенные к третьей категории могли быть оставлены в тех же учреждениях с понижением в должности. Помимо этого, по результатам проверки кадрового состава часть служащих, сохранивших свои должности, получала взыскания по служебной, а члены партии – по партийной линиям.

В литературе отмечается, что увольнениям или понижениям в должности по трем названным категориям подверглось примерно 11% общего состава прошедших проверку аппаратных служащих. Еще 3% вышли из нее с выговорами. Следовательно, в целом каждый седьмой работник оказался стигматизирован в той или иной мере [Соколов, 1992. С. 165–185]. «Вычищенные» сотрудники замещались более «надежными» кадрами как внутри самих учреждений, так и путем перехода части рабочих с производства в управленческую сферу, что получило наименование «орабочивания» аппарата или «выдвиженчества».

В этой работе рассматривается, как рутинная процедура проверки управленческих кадров трансформировалась в крупномасштабную социально-политическую мобилизационную кампанию и оказалась частью событий «Великого Перелома».

Феномен и практики инициированных партийным государством в постреволюционный период в советской России/СССР всевозможных проверок, названных на новоязе «чистками»,

прочно закрепился в стереотипах массового сознания современников и превратился в устойчивую идеологему для описания советской исторической наукой процессов и событий борьбы и преодоления «чуждых социализму явлений».

В художественной литературе раннесоветской эпохи благодаря таланту таких блестящих сатириков, как И. Ильф и Е. Петров, П. Романов, М. Зощенко, прекрасно отражены восприятие и реакция на «чистки» различных слоев общества, но прежде всего, многочисленного «служилого люда». «Чистки» становились частью повседневности для сотен тысяч людей, разделившихся на «прочищенных» (выдержавших, прошедших данные процедуры) и «вычищенных». Сатирики очень точно зафиксировали преобладание у современников отрицательной коннотации данного термина, чреватого, как минимум, ощущением повышения уровня социальной напряженности и конфронтационности в обществе.

Иную коннотацию (сугубо позитивную, как государственную и социальную необходимость) феномен «чистки» получил в советских исторических исследованиях, прежде всего в работах, посвященных истории органов рабоче-крестьянской инспекции. В них подчеркивалось функциональное назначение государственной проверки кадров сфер управления: повышение эффективности деятельности аппарата путем исключения из рядов служащих лиц, не соответствовавших профессиональным и квалификационным требованиям. На основе количественных данных о прошедших проверку, «вычищенных» и «выдвиженцах» делался качественный вывод об успешности кампании.

Историки интеллигенции рассматривали «генчистку», как правило, в позитивном аспекте, в контексте как динамики статуса специалистов, работавших в сферах управления, так и специфического источника нового пополнения интеллигенции «снизу» («практики», «выдвиженцы»). При этом делались ремарки о том, что обвинения специалистов во вредительстве «носили порой огульный характер», а «выдвиженчество» не относилось к базовым каналам формирования «новой» интеллигенции. Более политизированными были оценки историков рабочего класса, которые рассматривали «генчистку» как мощный фактор «обрабочивания и коммунизирования» сферы управления в СССР, а форсированное «выдвиженчество» из рабочей среды в управленческие структуры – как доказательство ведущей роли рабочего класса в советском обществе.

В постсоветский период проблемное поле исследования «генчистки» заметно изменилось. Феномен «чисток» раннесоветской эпохи ныне рассматривается в контексте формирования тоталитарной системы, как один из инструментов утверждения сталинского режима, что приводит к смене оценочных суждений данного явления с позитивных на негативные. В формате социальной истории исследователи переносят акцент на изучение природы и причин «генчистки», включая в число аспектов поведенческие позиции и тактики ее участников (от организаторов до служащих и вовлеченных в кампанию рабочих) [Киселева, 2009].

В контексте истории интеллигенции «генчистка» ныне трактуется как кампания, направленная на форсированное и дискриминационное вытеснение из сферы управления профессионалов старой школы новой генерацией из разряда «рабфаковцев», «выдвиженцев», «практиков») [Волков, 1999]. Феномен «выдвиженчества» также проходит стадию переосмысления с анализом противоречий в нем между доктринальными принципами и рациональностью адаптации рабочих к управленческой деятельности [Фельдман, 2020].

«Чистка»: что не так с этим и другими базовыми понятиями эпохи

Вырабатывая подходы к данному феномену, прежде всего, следует определиться с ключевым понятием «чистка». Почему для нас принципиально важно его заковычить? В качестве характеристики социального восприятия и действия данный термин подвергается деформации, теряя свою однозначность и позитивную коннотацию, ибо как действие обязательно включает в себя меры дискриминации, сегрегации, где позитивно обозначенная цель сопровождается искажающими ее средствами. Возникает некая переходная ситуация в понятийном аппарате историка, изучающего советскую эпоху, когда работа сопровождается немалым количеством заковыченных выражений того времени, однако это более приемлемо, нежели употребление советских идеологом с сохранением их форм и смыслов.

Сказанное выше относится и к таким укоренившимся в научной литературе терминам раннесоветской эпохи, как «орабочивание» и «выдвиженчество». Под «орабочиванием», очевидно, следует понимать политику и практику власти, направленную

на утверждение собственной легитимности в рабочей среде. Она осуществлялась путем предоставления преференций отдельным категориям рабочих по происхождению, роду деятельности (молодежь, члены партии и др.) для повышения социального статуса в различных сферах деятельности («выдвиженцы» в аппаратные структуры, «рабфаковцы» в специальном образовании, «рабочая аспирантура» в науке и т.д.).

«Орабочивание» имело двойное назначение, выполняя как функцию компенсаторного характера для снятия противоречия между пропагандой роли рабочих как класса-гегемона и его реальным положением наемного работника на производстве, так и выступая «ударным» мобилизационным инструментом для вытеснения, изъятия из различных сфер деятельности воспринимавшихся властью «чуждыми» непролетарских групп.

В этом случае «выдвиженчество» выполняло функцию замещения части аппаратных служащих не по профессиональным, а по идеологическим, доктринальным принципам. Причем для самих организаторов кадровых кампаний изначально было ясно, что ни всеобщее «орабочивание», ни «выдвиженчество» не могли быть достижимы в своих провозглашаемых лозунговых целях, а служили именно мобилизационно-пропагандистским ресурсом для государства.

Добавим также, что и с точки зрения «бесстрастной» социальной мобильности, рабочие, перемещаясь в более высокие страты, отнюдь не «пролетаризировали» служащих, студенчество, ученых и состав других корпоративных групп. При благоприятном исходе они оказывались их частью, но в не меньшей и даже в большей степени, маргинализировались, становились кадровым «отсевом».

«Чистки» как индикатор кризиса легитимности раннесоветского режима

В советских историко-политических исследованиях традиционно считалось, что легитимность советской государственности утвердилась в результате Гражданской войны, по окончании которой существовал некоторый переходный период (1920-е гг., НЭП). Хотя и случались всевозможные кризисы (экономические, внутрипартийные, социальные и другие), фундаментальных основ партийной государственности они не затрагивали, а завоеванные,

по выражению В. И. Ленина, «командные высоты» властью только укреплялись.

Однако, если рассматривать данную проблему не в узко государственном, институциональном контексте (смешивая ее с понятием правовой легальности, которая обеспечивалась и подкреплялась самой властью), а расширить анализ, понимая под легитимностью власти уровень доверия/недоверия, признания/непризнания, поддержки/отторжения институтов власти населением, основными социальными слоями общества, тогда проблема предстает в ином измерении. Мы найдем немалое число подтверждений именно кризисов легитимности власти, то есть снижения степени поддержки и одобрения ее действий со стороны основных групп населения раннесоветского общества.

Среди исследователей наиболее последовательно данную концепцию выразила работающая в США историк Ольга Великанова, опубликовавшая в 2013 г. свою монографию «Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг.», ее русский перевод вышел в 2017 г. [Великанова, 2017]. Проанализировав реакцию групп населения раннего СССР на государственные мобилизационные кампании и, прежде всего, две базовые из них в 1927 г. («военная тревога», связанная с возможной военной интервенцией против СССР и празднование 10-летия Октябрьской революции), она пришла к выводу о глубоком кризисе легитимности большевистской власти, падении ее авторитетности в том числе среди собственной опоры (внутрипартийные и внутриэлитные разногласия, разложение внутри управленческих звеньев, рост выходов из членства в партийно-комсомольских организациях, нарастание напряженности в социально-трудовых отношениях на производстве, значительность масштабов забастовочного движения и др.), не говоря уже о кризисе взаимоотношений с основной массой крестьянства. Глубина и масштабы «размычки» между социальными «низами» и номенклатурными «верхами» вела к осознанию последними поиска путей для сохранения своих «командных высот».

В контексте вышесказанного необходимо определить роль и функции аппаратной «генеральной чистки» как антикризисной программы власти по повышению собственной дееспособности в условиях неустойчивости кредита общественного доверия. Воспользовавшись подходами социологии и квалифицируя

«генчистку» как большое социальное действие, следует выявить обстоятельства, причины, его вызвавшие, акторов действия с их мотивами, поставленными целями, привлекаемыми для их осуществления ресурсами, определить целевые группы действия (сторонников, союзников, противников), динамику событий и достижимость ожидаемых результатов.

Рабочая гипотеза

«Генчистка» аппаратов государственного управления и связанных с ними общественных органов (кооперативных, прежде всего), осуществлявшаяся перманентно с лета 1929 по 1932 гг. параллельно с аналогичной «чисткой» партийных рядов, стала примером экстраординарной по своим масштабам и характеру социально-политической мобилизацией кадров. Она имела сложное целеполагание (сочетание открытых целей и скрытых намерений), носила демонстративно открытый (в отличие от предыдущих «кабинетных чисток») характер с привлечением значительных слоев рабочих, низовых групп служащих, с опорой на конфронтационные механизмы (с приоритетом выявления в аппаратах управления так называемых чуждых элементов). «Чистка» имела многоаспектные причины и последствия, которые в социологии трактуются по Р.К. Мертону, «непреднамеренными последствиями преднамеренных социальных действий» [Мертон, 2009]. Выдвинем ряд положений, которые могут быть обоснованы в ограниченных рамках журнальной публикации.

Кадровая «чистка» имела своим основным предназначением не столько качественное улучшение деятельности аппаратных структур (хотя это и провозглашалось, наряду с кадровым «оздоровлением»), сколько сохранение у власти его «корпоративного ядра» олигархического типа путем управляемой сменяемости/ ротации одних групп другими. Повышение уровня легитимности этой кампании обеспечивалось путем вовлечения в нее групп из доктринальной социальной основы – рабочих – с перенаправлением основного потенциала деятельности акторов на изъятие из сферы управления так называемых «бывших», социально чуждых, вредителей, то есть, по сути – в русло удовлетворения настроений социального реванша «низов».

С данных позиций «генчистка» была полезной для «верхов» и должна была приобрести определенную привлекательность

для «низов» в свете широко распропагандированной кампании «орабочивания» госаппарата и служить подтверждению легитимности власти как государства «диктатуры пролетариата». Масштабность и нацеленность на одновременное осуществление задач, находившихся в противоречии друг с другом (улучшение качества аппаратной деятельности путем изъятия части квалифицированных работников с замещением их «выдвиженцами»), создавали очевидные риски для всех участников «чистки».

Рабочие-«выдвиженцы», мобилизованные для работы в статусе служащих в низших, прежде всего, звеньях госаппарата, оказывались частично или полностью в маргинальном положении, становясь впоследствии частью очередного аппаратного «отсева». Риски возникали для специалистов, работавших в различных аппаратных звеньях, поскольку «генчистка» пришлась на пик кампании борьбы с «вредительством» и сопровождавшей ее атмосферы интеллигентофобии («спецедействия»). Для немалой части из них «чистки» становились прологом последующих репрессий (массовые аресты тысяч специалистов в корпоративных группах – научно-техническая, аграрная, военно-командная и др.). Для верхнего слоя управленческой корпорации – партийно-государственной номенклатуры – существовал риск снижения эффективности деятельности из-за «вымывания» квалифицированного ядра служащих и их замещения малограмотными «выдвиженцами» в условиях возрастания масштабов и усложнения управленческой деятельности.

Г. К. Орджоникидзе о «генчистке» летом 1930 г.

Аппаратная «генчистка», начавшаяся как кампания с лета 1929 г., носила, используя терминологию эпохи, «перманентный» характер. Информация о ее ходе поступала и была сосредоточена в Центральную контрольную комиссию (ЦКК) Наркомата РКИ¹, поскольку он был в то время соединен с ЦКК ВКП(б). Делегаты проходившего летом 1930 г. XVI съезда партии получили сжатую информацию о промежуточных результатах «чистки» из выступления руководителя данной структуры Г. К. Орджоникидзе. Последний, будучи опытным оратором, выстроил сообщаемую

---

¹ Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ) – система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля в 1920–1934 гг.

информацию в той логической последовательности, которая подтверждала как необходимость данной меры, так и ее своевременность, осветил методы проведения и предварительные итоги годичной работы.

Помимо значения «генчистки» для улучшения эффективности работы аппарата, Орджоникидзе отмечал ее роль в борьбе с «вредительством спецов», в решении задач «орабочивания и коммунизирования» состава управленцев путем масштабного вовлечения в сферу управления рабочих (кампании шефства заводов над наркоматами и ведомствами, «выдвижение» части рабочих в ряды служащих). Другим важнейшим показателем влияния «генчистки» на качество аппаратной деятельности Орджоникидзе называл ранее начатую работу по сокращению численности госаппарата и уменьшению расходов на его содержание.

По оценке Орджоникидзе, на момент начала «генчистки» высший управленческий персонал (руководство центральными и республиканскими наркоматами и ведомствами) был «наш» (76% из коммунистов и 30–40% из рабочих). В другом управленческом звене (руководство промышленными предприятиями) насчитывалось также 76% коммунистов, а по социальному составу доля рабочих достигала 53%. Но переходя к оценкам состава «оперативно-руководящего персонала», Орджоникидзе сообщал уже «тревожные» цифры: в управлении промышленным производством доля коммунистов составляла 24,6%, рабочих – 17%. Еще ниже доля указанных групп оказывалась среди научных работников и специалистов «без административных функций» – 7,5 и 9,8% соответственно². В течение первого года «генчистку» прошли 454 тыс. служащих, из которых работы лишились около 50 тыс. человек (11%). Структурно по категориям «чистки» это дало следующие результаты: 1-я категория – 11 тыс. чел.; 2-я – 21 тыс.; 3-я – 13 тыс.; вне категории – 4 тыс. чел. Помимо этого, 6 тыс. чел. получили служебные взыскания³.

Г.К. Орджоникидзе отдавал себе отчет в том, что сошедшиеся в одном временном пространстве 1930 г. процессы качественного улучшения управленческого аппарата, по сути, парализуются,

² XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1930. С. 316.

³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 318.

поглощаются, сводятся на нет стремительным ростом новых органов низших и средних уровней в сферах экономики. В своем дальнейшем выступлении с цифрами и фактами в руках он наглядно показал, что создаваемая форсированным образом колхозно-совхозная система, требующая десятков тысяч новых управленческих мест на низовом и среднем уровнях, уже дает громадный рост расходов на их содержание.

Говоря об этом, он упомянул, что в ряде регионов годовое содержание аппаратов этой системы различных уровней в расчете на одного колхозника оказывается порой в несколько раз выше, чем средний налог на одно крестьянское хозяйство: «Нам нужно, по крайней мере, на 50% сократить эти расходы; в противном случае это будет лучшей агитацией против колхозного движения»⁴. Сказанное им служило признанием того, что аппаратная «чистка», длившаяся уже год, обрекалась на свое «перманентное» продолжение и в последующие годы, что и подтвердилось на практике в течение всех 1930-х гг.

В исследовательской модели изучения механизмов непреднамеренных последствий преднамеренных социальных действий американский социолог Р.К. Мертон в ряду нескольких базовых факторов, порождавших наиболее значительное отклонение результатов от запланированной цели, называл господствовавший у акторов императив ближайшего интереса (осуществить действие «здесь и сейчас») [Мертон, 2009. С. 13]. Следовательно, необходимо рассматривать феномен «генчистки» не сам по себе, а в контексте других целей, в достижении которых власть была не менее, а, возможно, и более заинтересована, начиная кампанию «чистки».

Речь идет о социально-политических факторах, превращавших «генчистку» в важный идеологический инструмент: это широко использовавшиеся в пропаганде идеолого-доктринальные представления о советском режиме как государстве «диктатуры пролетариата», которые требовали практического подтверждения в форме осуществления «орбочивания, коммунизирования и выдвиженчества». «Генчистка здесь оказывалась как нельзя более актуальной в качестве «моста» между пролетариатом и государственностью от его имени, своего рода компенсаторного

---

⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 319.

механизма: обеспечить пролетариям причастность к управленческим структурам, получив при этом императивный «мандат» контроля над бюрократией.

Отсюда – массовость «шефства» крупных предприятий над наркоматами и ведомствами в ходе «чистки» в Москве, над аппаратными структурами в Ленинграде, в краевых и областных центрах. Это подразумевало организацию и деятельность проверочных рабочих бригад на период «чистки» госаппаратных структур, проведение персональных «чисток» служащих того или иного учреждения на открытых собраниях в присутствии сотен работников «шефствовавшего» над ним промышленного предприятия, где настроения пусть и иллюзорного социального реванша рабочих над «бюрократами» находили свой выход и удовлетворение.

Сам Орджоникидзе понимал краткосрочность и постановочность (инсценировку) показной мощи «диктатуры пролетариата». Приводя, казалось бы, оптимистические цифры о росте «шефского» движения: «В феврале 1930 г. в 34 городах было 136 заводов, а теперь до 100 городов и 776 заводов охвачены шефством... по Москве участвуют в шефских бригадах свыше 3500 рабочих, в Ленинград по “Электросиле” – 700 рабочих и т.д.»⁵, он был вынужден констатировать: «Шефство – контроль рабочих над соваппаратом, который продолжает оставаться и после чистки. Нужно сказать, что налицо некоторое ослабление внимания со стороны шефов к подшефным учреждениям. Когда чистили, было как-то весело, а когда надо следить за повседневной работой аппарата, то это уже не то»⁶.

Говоря о формах влияния рабочих на деятельность госаппарата, Орджоникидзе не мог не затронуть такой ключевой аспект, как «выдвиженчество», то есть прямой инструмент «орабочивания» состава служащих. Здесь он осторожно указал на отличие нынешнего «вливания» пролетариев в аппаратную среду от прежней практики: «Если раньше брали рабочих и отправляли прямо в аппарат, о котором они не имели никакого представления, то теперь рабочий, принимая непосредственное участие в чистке соваппарата, знакомится со всей структурой,

---

⁵ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 317.

⁶ Там же.

и в процессе самой чистки уже выдвигаются те рабочие, которые потом остаются в аппарате».

Однако здесь же нарком признавался, что данный путь прямого «рабочивания» сферы управления не может быть ни масштабным («во время чистки выдвиженчество возросло, но... довольно в пустяковых размерах – с 2 до 6% к общему составу сотрудников»), ни определяющим в условиях форсированной модернизации производства («...оздоровить наш аппарат одним только выдвиженчеством с фабрик и заводов нам не удастся при таком громадном голоде в квалифицированной рабочей силе, который сейчас имеется. Ведь надо влить в аппарат, по крайней мере, 2–3 сотни тысяч выдвиженцев. Что надо сделать? По-моему, необходимо в большем количестве отправлять в аппарат детей рабочих из наших учебных заведений»). Голоса: «Правильно!». Аплодисменты)⁷.

Сибирский размер: Красноярский цирк как место событий. Далее везде

Выше отмечалось, что придав «генчистке» масштабы массовости и публичности, руководство страны расчетливо переводило возрастающую в обществе социальную напряженность в русло сведения счетов с прошлым и ее носителями, так называемыми «бывшими», значительная часть которых в силу достаточного уровня культурности и образования оказалась занятой в управленческой сфере.

Исследователи данной проблематики указывают, что при публичных «чистках» любое упоминание, например, об офицерском прошлом проверяемого «спеца» вызывало негативную реакцию рабочей аудитории. «Враждебность масс к прошлым людям» без учета опыта и качества их работы была отмечена в отчете Красноярской окружной комиссии по «чистке» (октябрь 1929 г.), где подчеркивалось также, что эти настроения оказали негативное влияние на работу комиссии, так как «многих оценивали с прошлой стороны и меньше уделялось внимания качеству их работы». На нескольких «открытых собраниях» во время «чистки» Красноярского окрфинотдела, проходивших в цирке,

---

⁷ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 317.

присутствовало, по данным Красноярской комиссии, свыше 5 тыс. чел. (в том числе около 2 тыс. рабочих, 2 тыс. служащих)» [Пыстина, Голиков, 2004. С. 192].

Безусловно, сами по себе «показательные собрания» являлись лишь демонстрацией «народного участия» в антибюрократической кампании, кульминационным, постановочным моментом. Основную рутинную работу внутри учреждений, длившуюся в краевых органах Сибири до двух месяцев, осуществляли проверочные бригады, включавшие в себя наряду с работниками РКИ, часть «надежных» сотрудников проверяемых организаций. При этом не менее $\frac{3}{4}$ в составе бригад должны были составлять рабочие предприятий, находившихся в ведении данных органов (скажем, заводов совнархозовского подчинения). В погоне за «охватом» трудящихся, вовлеченных в «чистку», в Новосибирске, например, использовались помещения рабочих клубов, вмещавшие несколько сотен человек.

Приведем цифры из итогового доклада комиссии по проверке работы аппарата Сибкрайсовнархоза (СКНХ) от 6 мая 1930 г. Сроки проверки – с февраля по апрель, т.е. три месяца. Обследование производилось пятью бригадами в составе 70 человек, куда помимо восьми сотрудников самой организации, десяти работников РКИ и профсоюзов, входили 52 рабочих промышленных предприятий. «Чистке» подверглись 170 служащих. Открытые заседания (20) проходили не только в стенах Крайсовнархоза: 11 из них с обязательным привлечением рабочих проводились в клубах предприятий; одно из них с участием 220 студентов состоялось в Химическом техникуме. Тем самым, считая участников проверочных бригад, данной кампанией оказалось «охвачена» 1 тыс. чел.

В отчете отмечалась та черта публичности и вовлечения рабочих в «чистку», которая проявлялась повсеместно: «Активность рабочих во время чистки отдельных лиц как общее правило была, но характер выступлений сводился к жесткой критике главным образом по причинам социально чуждого нам прошлого проверяемого, ибо таковых в аппарате СКНХ очень много. Мало рабочие касались (около 40% выступлений) настоящей работы проверяемого в аппарате по двум причинам, во-первых, потому, что сотрудники СКНХ не вскрывали недостатка проверяемого

с достаточной активностью, и во-вторых, потому что рабочие не знают работы и работников СКСНХ»⁸.

«Где был во время расстрела рабочих?»

В качестве «маленькой картинки для выяснения больших вопросов» (по Ленину) воспользуемся протоколом заседания комиссии по «чистке» Сибкрайсовнархоза от 7 марта 1930 г., где в присутствии 132 служащих СКНХ и 94 рабочих завода «Труд» обсуждался вопрос о деятельности инженера К. Н. Тульчинского. Константин Николаевич Тульчинский (1865–1939) – один из наиболее известных горных инженеров Сибири. С 1906 г. по 1918 г. работал на руководящих должностях в ряде горных округов в Восточной Сибири. Во время Ленских событий (март – апрель 1912 г.), будучи окружным инженером Витимского горного округа, пытался всеми средствами предотвратить кровопролитие (там, по различным оценкам, погибли не менее 150 чел., пострадали до 500 чел). Вел преподавательскую деятельность, в том числе в организованном им реальном училище г. Бодайбо. С декабря 1924 г. работал в Новониколаевске (Новосибирске) в Сибпромбюро, затем Сибкрайсовнархозе, занимался воссозданием органов горного надзора в Сибири.

Значительная часть обсуждения профессиональной деятельности Тульчинского в заседании велась вокруг событий 1912 г. Давая общую положительную характеристику деловым качествам инженера, представитель комиссии тем не менее отметил: «Указание в автобиографии Тульчинского К. Н. о том, что он был среди рабочих во время Ленского расстрела, является для Комиссии не доказанным». Приведем выдержки из дальнейшего обсуждения, которое имело неожиданный поворот (ниже публикуются наиболее острые вопросы (выделены нами курсивом – С.К.) к Тульчинскому и ответы последнего на них), а также выступления (выборочно):

«Где был во время расстрела рабочих?» Отвечает, что был в толпе рабочих. Очутился среди них потому, что узнав, что Терещенковым был дан приказ стрелять по рабочим, пошел к шедшим рабочим предупредить их не ходить в Приисковое управление.

---

⁸ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции. Вып 2. (1929–1931 гг.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2019. С. 326, 332.

Находясь среди рабочих, упрашивал их не ходить. В это время раздалась стрельба, было очень много убитых и раненых.

Как реагировал на применение в золото-промышленности частного капитала? О частнике Мухине тов. Тульчинский говорит, что в 1926 г. не было законов о недопущении частника в эксплуатацию богатств недр. Были законы, которые допускали частника в известных условиях к этому делу. Поэтому и был допущен частник Мухин, так как на тот участок, который был ему сдан, других претендентов не было.

За что был арестован Иркут[ским] ГПУ в 1929 г.? Отвечает, что был арестован согласно показаний в изданной книжке Григорьева о Ленских событиях, содержание которой тов. Тульчинский в отношении себя считает не верным.

Выступают:

Тов. Крестьянников (раб[очий] з-да «Труд»). Говорит, что во время Ленского расстрела он был там, подтверждает, что Тульчинский говорит правду. Он был действительно среди рабочих. Он сам видел Тульчинского тогда, когда последний уговаривал рабочих не идти в Прииск[овое] Управление, предупреждая о том, что ротм[истром] Терещенковым отдан приказ стрелять в рабочих. Указывает на то, что во время расстрела спаслись очень не многие рабочие[,] бывшие в логу и за сложенным лесом. Кто был на открытом месте, были убиты или тяжело ранены.

Тов. Беликова (работница завода «Труд»). Говорит, что она училась в Бодайбо тогда, когда там был Тульчинский. Она помнит его. Указывает, что Тульчинский тогда делал много добра рабочим, бедноте. Все его любили.

Тов. Щербачевич (чл. Комиссии). Указывает на то, что нельзя затушевывать поощрение частника. Факт этот имелся. Надо признать это ошибкой. Говорит, что Тульчинский в дальнейшей своей работе должен избегать отмеченных выше ошибок.

В заключительном слове тов. Тульчинский остановился на двух главных вопросах: об общественной работе и поощрении частника. Отвечая на первый вопрос, тов. Тульчинский сказал, что он не может по своему возрасту участвовать в общественной работе. Считает это делом молодых. Говорит, что он большую ценность может дать работа[я] как специалист и что поэтому он обращает сюда главное свое внимание. В отношении поощрения частника Мухина тов. Тульчинский ответил, что Мухину аренда

недр была сдана на основании бывших <тогда> законов Совправительства. Только сейчас этот закон аннулирован»⁹.

Даже данный в выдержках протокол заседания, где К. Н. Тульчинскому приходилось отвечать на заданные ему вопросы, стоя перед залом, вмещавшем более 200 чел., о своей практически безупречной 35-летней работе в области горного дела, передает напряженное состояние самого инженера, членов комиссии с их очевидным желанием найти прежде всего уязвимые точки в его биографии и практически неожиданное вдруг заступничество за заслуженного горняка со стороны рабочих завода «Труд», которое в процессе многомесячной кампании «чистки» можно квалифицировать как своего рода уникальное проявление солидарности рабочих с конкретным «буржуазным спецом». Тем не менее в дальнейшем его судьба оказалась вполне типичной. Хотя в мае 1930 г. К. Н. Тульчинский был признан «прошедшим чистку» (протокол комиссии по «чистке» от 11 мая 1930 г.), но в сентябре 1930 г. арестован, обвинен по ст. 58–7 УК РСФСР («вредительство»); приговорен 3 октября 1931 Коллегией ОГПУ на 3 года высылки в Минусинск. Вновь арестован в декабре 1937 г. как пособник царского режима. Умер во Владимирской тюрьме в 1939 г. Реабилитирован 13 июня 1989 г.¹⁰

Первый год сибирской «чистки»: цифры и факты

Как того требовала отчетность, к осени 1930 г. появились и цифры «охвата» кампанией привлеченных к работе проверочных комиссий трудящихся в городах и селах региона, выглядевшие внушительно – более 71 тыс. чел. Однако в это количество включалось около 30 тыс. чел., для которых участие в кампании было обязательным (члены партии, комсомола, профсоюзов и других структур). Учитывая, что к этому времени проверку прошли 93 тыс. служащих Сибири, окажется, что напрямую в комиссии оказывалась втянутой значительная масса людей, до 4/5 от численности проходивших «чистку» служащих. Что же касается показателей «охвата» мероприятиями кампании «массовки» открытых собраний, отчетные цифры говорят сами за себя: сделано на собраниях 30303 докладов, на публичных

⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп.4. Д. 179. Л. 75–76 об.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-340. Оп. 1. Д. 15. Л. 244; URL: <http://irkpedia.ru/>.

мероприятиях присутствовало 1 792 736 чел., в органы РКИ поступило 26 279 жалоб и заявлений о работе служащих. При этом, как отмечалось в отчете Сибирской краевой комиссии по «чистке», «если к количеству поданных жалоб – 26 279 на недостатки работы аппарата прибавить 20% устных жалоб от числа выступавших в прениях на докладах, то окажется, что за время проверки и чистки поступило окружным проверочным комиссиям на недостатки аппарата и его личный состав не менее 69 000 жалоб, т.е. столько же жалоб, сколько их поступило за два года в бюро жалоб СибКК-РКИ и окружных РКИ»¹¹.

При подведении общих итогов первого года «генчистки» в отчете Краевой комиссии отмечалось, что проверке в Сибирском крае на 1 сентября 1930 г. подверглось 93 142 чел., в том числе 20 234 служащих краевого и окружного аппарата. Всего «вычищенных» по трем категориям оказалось 8 448 чел. (9,1% от численности проверенных), из них по первой категории – 1 483 чел. (17,7%), по второй – 3 290 (38,8%), по третьей – 3 675 чел. (43,5%)¹².

Акцент делался на том, что в ходе «чистки» службы лишились 90% из числа тех, кто еще до начала кампании относился к учетной группе «чуждых», подчеркивая тем самым, что основной удар был нанесен по самой «опасной» категории служащих. Фактически же масштабы дискриминации этим не ограничивались, поскольку дополнительно к ним комиссиями выносились решения о взысканиях тем, кто даже прошел процедуру проверки. Внутри учреждений проводились должностные перемещения с понижением («по несоответствию своему назначению»), часть служащих «отводились» с выборных должностей и т.д. Поэтому, как считают специалисты, дискриминационные меры в Сибири могли в совокупности коснуться не менее 25 тыс. служащих, основную часть которых составляли работники низового уровня [Пыстина, Голиков, 2004. С. 403].

По основаниям к увольнению «вычищенные» делились на категории: уволенные за «извращение и искривление классовой линии» (28,9%), «непригодность к управленческой работе» (20,9%), «пьянство, разложение» (17,9%), «растраты, взятки,

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 3116. Л. 90–91.

¹² Там же. Л. 88–89.

вредительство» (12,6%), «бюрократизм, волокиту» (9,1%), «прочие» (10,6%). Как справедливо отмечают современные историки, «по такого рода данным трудно выявить соотношение политических и неполитических мотивов «чистки». Очевидно, они сознательно смешивались. Например, «вредительство» (политическое преступление) отнесено к должностным, под «разложение» подгоняли как бытовые проступки, так и «связь с чуждым элементом». Вероятно, в категорию «прочие» вошли уволенные по классово-политическим причинам. Наименьшую часть составляет группа служащих, уволенных за бюрократизм и волокиту (9,1%), хотя именно борьба с бюрократизмом объявлялась одной из основных задач кампании» [Пыстина, Голиков, 2004. С. 190–191].

Ю. И. Голиков, проделав значительную работу по выявлению и обработке данных «генчистки» в Сибири (более 2 тыс. дел служащих, прошедших через эту кампанию), воссоздал своего рода коллективный портрет тех, кто оказался в категории «вычищенных». В демографическом разрезе среди них оказалось 8% женщин; по возрастным показателям около 70% составляли служащие в возрасте от 30 до 60 лет; по «национальной» графе русские составляли 80%, евреи – 10,4% (с учетом высокой доли последних среди работников торгово-финансовых и кооперативных органов).

Социальный статус в тогдашней статистике всегда отличался смешением классовых, сословных и других признаков учета, поэтому следует обратиться к такой собирательной категории, как «чуждые» (среди «вычищенных» их доля достигала 20%). Она включала в себя (формулировки приводятся из документов – С.К.) судившихся ранее за должностные преступления (25,5%), торговцев и домовладельцев (25,5%), кулаков (15,8%), белых офицеров (15%), бывших помещиков и фабрикантов (7%), служителей культа (5%), бывших жандармов и полицейских (3,2%), административно-ссыльных (3%). Носители образования от низшего до среднего составляли 2/3 «вычищенных», остальные имели образование от среднего специального до высшего. Среди них половина до революции уже имела статус служащих в государственных и других учреждениях. По политическому критерию 9/10 были беспартийными, ранее не состоявшими в каких-либо партиях. Настоящая «охота» шла на лиц, бывших

членами непролетарских партий. Однако среди дискриминированных работников оказались и члены ВКП(б), и комсомольцы, доля которых в краевом и окружных аппаратах осенью 1930 г. достигала 7,7%. По профессиональной принадлежности среди «вычищенных» преобладали торговые, кооперативные, финансовые, канцелярские работники (2/3).

В этом нет ничего неожиданного, поскольку в ходе «чистки» установка делалась на особое внимание к служащим органов, работавшим непосредственно с населением, где жалобы в отношении низового аппарата являлись наиболее чувствительными для авторитета самой власти [Голиков, 1994. С. 192–204].

«Генчистка»: ожидавшиеся и непреднамеренные ее последствия

При оценках с научных позиций влияние «генчистки» на качество деятельности сферы управления советской экономической системы (а именно это провозглашалось приоритетом для большевистского руководства в ходе кампании) следует исходить не из традиционных критериев оптимизации и эффективности управления, практически не применимых для наступавшей экстраординарной эпохи¹³. Речь может идти о том, что управленческая система подверглась стремительной ломке/трансформации с целью перехода от состояния регулируемой государством смешанной, разноукладной экономики к мобилизационному, этатизированному типу. Иначе говоря, данный скачок потребовал практически одновременной форсированной «переналадки/подстройки» управленческого механизма под принципиально новые цели. «Генчистка» служила лишь инструментом их служебного сопровождения.

В первую очередь это отразилось на тех сферах экономики, где продолжали действовать рыночные механизмы и где государство, во многом вынужденно, но все же считалось с экономической реальностью. «Генчистка» становилась для них инструментом окончательного «вымывания» регулятивных функций государства, что прослеживается на динамике и тенденциях в сферах аграрных отношений и труда/ трудового потенциала.

---

¹³ Знаменитый экономист Б. Д. Бруцкус, высланный из страны в 1922 г., охарактеризовал эту эпоху в начале 1930 г. как радикальный разрыв с механизмами «новой экономической политики» и переходом в состояние «чрезвычайной экономической политики».

Для сферы сельскохозяйственного производства 1920-х гг. был характерен учет государством существовавшей социально-экономической многоукладности. Государственная политика в земледелии, животноводстве и входившем в данную сферу лесном хозяйстве функционально носила регулирующий характер: во всех базовых отраслях при незначительных масштабах производственных форм кооперации требовался учет, контроль интересов и потребностей индивидуальных хозяйств – от землеустройства и опытного дела до форм кредитования и ресурсного снабжения различных типов хозяйств. То же касалось и методов «мягкого планирования» сельскохозяйственной экономики. Таким образом, несмотря на «социалистическую риторику», аграрная политика осуществлялась через органы республиканских наркоматов земледелия именно в реальностях смешанной экономики и в рамках установок на то, что индивидуальные хозяйства еще не исчерпали своего потенциала.

До 1930 г. республиканские наркоматы земледелия имели сложную и громоздкую структуру и функциональное назначение быть проводником государственной политики (контроль, надзор, учет над распределением бюджетных средств, реализация аграрной политики и т.д.), будучи, однако, органами с достаточно низким рангом в иерархии советской государственности. Земельные органы взаимодействовали со значительным числом различных ведомств и организаций (налогово-финансовых, торговых, промышленных), не обладая правом распоряжения многими видами ресурсов, которыми обеспечивалась аграрная экономика.

Столь же сложной оказывалась и структура Краевого земельного управления (КрайЗУ) Сибири, на примере которой можно говорить о том, в какой мере «генчистка» повлияла на его деятельность. К ее началу в штат Управления входили 315 сотрудников, работавших в 11 структурных подразделениях, охватывавших собой три главные направления (земледелие, животноводство, лесное хозяйство), – от проведения землеустройства до организации лесозаготовок. Земельные органы «болели» теми же хроническими болезнями, что и советский аппарат в целом: запаздывание с выполнением/реализацией директив вышестоящих органов, включая краевые; недостаточный контроль за их выполнением; нерациональное распределение кредитов Центра на местах; «недоучет» развития технических культур

и товарного животноводства в регионе; частные пересмотры плановых заданий по снабжению отраслей государственными ресурсами и т.д.

Однако с началом «сплошной коллективизации», которая становилась приоритетной целью, появился новый комплекс установок, где решающее место отводилось уже не организационно-технологическим и экономическим аспектам деятельности земорганов, а внеэкономическим, директивным, связанным с проведением «классовой» политики, с акцентом на выявление «извращений классовой политики в деревне» в ходе «чисток».

То, что в функционировании органов ранее считалось нормой, становилось «извращением»: оказывалось, что в области землеустройства КрайЗУ недооценивалась роль коллективных хозяйств; допускалась сдача в аренду земли и инвентаря, снабжение кредитами, семенами и другими ресурсами единоличных хозяйств, в числе которых были и «кулаки»; работа опытных станций ориентировалась на индивидуальные, а не коллективные хозяйства; «упускались» помощь колхозам и совхозам в вопросах организации и нормирования труда, определения рентабельности отдельных отраслей хозяйственной деятельности в них и т.д.

К этому добавлялась недооценка значения соцсоревнования и ударничества в самих земорганах (с некоторых пор – важного индикатора в установлении «лица» сотрудника). Выводы комиссии по «чистке» КрайЗУ, по сути, выносят обвинительный вердикт всей прежней системе: «Земельные органы с существующей структурой, методами и формами их работы и наличным штатом систематически отстают от темпов колхозного движения и плетутся в хвосте всех политических моментов в деле реконструкции сельского хозяйства»¹⁴; все мероприятия ранее строились «на основе развития и обслуживания индивидуального хозяйства, на основе аполитичности и методов старой земской агрономии»¹⁵; не выдерживался «классовый подход» в льготном обеспечении бедняков денежными ссудами, семенами и другими ресурсами; в планировании землеустройства на 1929/30 хозяйственный год «само слово “кулак” и борьба с ним в директивах КрайЗУ совершенно не упоминается»¹⁶.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 52об.

¹⁵ Там же. Л. 510.

¹⁶ Там же. Л. 519.

Перечень указанных «недоработок» и «искажений классовой линии» с трудом уместился на 45 страницах отчета Комиссии, датированного по завершении «чистки» в середине марта 1930 г., оставившей за пределами организации около 15% ее состава, что превышало показатели «чистки» других краевых органов Сибири.

Среди «вычищенных» преобладали причисленные ко 2-й категории, которая предполагала увольнение с работы без права трудоустройства в данном учреждении и местности (при этом они могли быть «использованы» в других учреждениях и местностях). При этом в первых двух категориях оказывались прежде всего специалисты «старой формации», а также примерно треть руководителей отделов и подразделений Управления. Большинство из них при оценках своей профессиональной деятельности получало обвинения либо в искривлении «классовой линии работы в деревне», либо в «безклассовости в работе».

Под ударом оказалось ядро наиболее квалифицированных специалистов в различных сферах сельского хозяйства Сибири, авторитет которых ценился ранее в центральном аппарате Наркомзема РСФСР: А.Е. Генделев, С.С. Марковский, П.Я. Гуров, Н.М. Валов, И.М. Жуйков и др. Так, И.М. Жуйков, занимавший ключевую в Управлении пост зав. Сельхозотделом, в ходе персональной «чистки» подвергся натуральной обструкции, когда ему было задано 115 (!) вопросов, основная часть которых состояла в его отношении к «классовому расслоению в деревне», «ликвидации кулачества», соцсоревнованию и другим политизированным сюжетам. Но и те, которые были связаны с характеристиками его профессиональной деятельности, требовали его признаний в «ошибках и недоработках»¹⁷. И хотя профессионализм И.М. Жуйкова высоко оценивался в Москве и до 1930 г. с ним даже велись переговоры о его переводе в Центр, он был «вычищен» из штатов КрайЗУ.

Не менее примечательна судьба ряда других известных в Сибири аграрников. Так, зав. Краевой станции защиты растений Н.М. Валов также подвергся весьма жесткой атаке в ходе «чистки». Его в немалой степени погубила попытка защитить деятельность станции и сотрудников от предвзятого отношения проверочной комиссии. Ознакомившись с выводами бригады

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. ЛЛ. 459–462об.

на шести страницах, он написал свое 16-страничное опровержение, считая, что бригада полностью игнорировала достижения станции, сосредоточившись на недостатках¹⁸. «Красной нитью» через обсуждение деятельности этой, наиболее квалифицированной группы сотрудников КрайЗУ, выступало стремление связать их с развернувшейся в тот момент кампанией, направленной против опальных Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова и др. И не без последствий: в августе–октябре 1930 г., уже будучи снятыми со своих должностей, почти все они подверглись аресту за принадлежность к мифическому «Краевому бюро ЦК Трудовой крестьянской партии», 35 человек были осуждены к различным срокам заключения. В итоге начавшаяся в рамках «генчистки» линия дискриминации немалой части специалистов-аграрников Сибири переросла в карательную.

Очевидность того, что снятие с работы и впоследствии арест весьма компетентной группы управленцев в составе КрайЗУ не могли привести к улучшению работы Управления, требует дополнительного пояснения.

Необходимо иметь в виду, что земельные органы еще до фазы форсированной коллективизации имели непреходящие трудности и проблемы, связанные с общими причинами их функционирования в системе хозяйственного управления. Переплетение многих направлений деятельности с десятками смежных с земельными органами структур усугублялось хронической текучестью кадров на всех уровнях.

Комиссия по «чистке» констатировала, что данная тенденция проявлялась на всех ступенях земельных органов, начиная с агрономов как наиболее массовой профессии (к 1929 г. количество агрономов в регионе составляло лишь 50% от необходимого)¹⁹. В ряде окружных земельных управлений годовая текучесть кадров достигала на протяжении последних двух лет 100%; в самом аппарате КрайЗУ с октября 1928 г. по сентябрь 1929 г. было принято на службу 163 специалиста и 86 технических работников, и за тот же период уволены 101 специалист и 51 технический работник²⁰.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 415.

¹⁹ Там же. Л. 514.

²⁰ Там же. Л. 75.

Однако еще большим по значимости фактором, влиявшим на профессиональную деятельность аппаратов земорганов, стала трансформация их статуса и функций в ходе «сплошной коллективизации». Это четко проявилось в ходе подготовки и проведения важнейшей по терминологии того времени аграрной хозяйственно-политической кампании – весенней посевной, темпы и масштабы которой совпали по времени с массовым колхозно-совхозным движением, резко изменившим привычный механизм работы земельных органов.

Разработанные ими планы посевной кампании ломались и перекраивались ходом событий на «аграрном фронте». Зав. КрайЗУ Н. П. Ялухин в своем выступлении на совещании в Крайкоме партии 30 января 1930 г. откровенно констатировал, что КрайЗУ не только не управляло ходом подготовки к посевным работам, но и не имело достаточно надежной информации о событиях в деревне, чтобы держать ситуацию под контролем: «18 организаций связаны с проведением кампании < дают на местах > 18 различного рода установок по этому вопросу, нужно положить предел этому... У нас нет организованного руководства посевной кампании».

Наличие в районах Сибири тысяч мобилизованных различного рода уполномоченных, «командированных по отдельным вопросам посевной кампании и совершенно организационно в селе не связанных», Ялухин считал «безобразием», при котором деятельность земорганов «оказывается не всегда действенной»: вместо того, чтобы стать штабом реконструкции сельского хозяйства, «мы лишены возможности руководить кампанией». Другое его признание было не менее красноречиво: необходимо проводить «посевную кампанию исключительно диктатурой на основе нашего партийного руководства»²¹.

Таким образом, форсированная ломка аграрного производства в первой половине 1930 г. привела к деформации деятельности земельных органов, по сути, к переводу ее на мобилизационную модель с полным подчинением директивам партийных органов, делая их заложниками принимавшихся «наверху» решений. Так, если аппарат в январе–феврале 1930 г. «чистился» под создание «социалистического сектора в сельском хозяйстве»,

²¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 451. ЛЛ. 150–152.

а «искривлением классовой линии» объявлялась деятельность по обслуживанию единоличных хозяйств, то события весны 1930 г., когда форсирование колхозного строительства было объявлено «перегибом», привели к «смене вех» в решениях краевых партийных органов относительно посевной кампании.

Так, в постановлении Сибкрайкома от 10 апреля 1930 г. партийным и земельным органам предписывалось «немедленно ликвидировать имеющиеся настроения пренебрежительно безразличного отношения к обслуживанию бедняцко-средняцких единоличных хозяйств, ...создать [им] необходимые условия для успешного проведения сева»²². Данный «маневр» директивного органа позволил, в частности, руководству КрайЗУ несколько ослабить радикализм решений комиссии по «чистке» и добиться разрешения оставить часть «вычищенных» сотрудников на службе до окончания посевной²³.

Поскольку «генчистка» функционально выполнялась под трансформацию государственных служб, под экстремальные, мобилизационные и внеэкономические цели сталинского руководства, серьезной функциональной деформации подверглись органы Наркомата труда (НКТ).

До 1930 г. НКТ, являясь государственным регулятором в сфере социально-трудовых отношений, значительное внимание в своей деятельности уделял обеспечению баланса интересов работников и работодателей (примирительно-третейские органы по разрешению трудовых споров и конфликтов), а также организации функционирования рынка труда (биржи труда). В ходе «чистки» данные структуры и работавшие в них служащие оказывались объектами критики за проведение «неклассовой линии» в ущерб государственным секторам экономики. Структуры, ответственные за данные направления, в течение 1930 г. были ликвидированы, а главной, «боевой» задачей органов труда становилось обеспечение рабочей силой экономики. Акцент был переведен на подразделения по организационному набору рабочей силой (вербовке), куда перебрасывался основной потенциал служащих ведомства.

---

²² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 43. ЛЛ. 32–33.

²³ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 57. Л. 422об.

Однако здесь, как и в случае с земельными органами, масштабы и сроки вовлечения новой рабочей силы сломали все планы и программы НКТ, а руководство страны отдало предпочтение мобилизационным методам вербовки, разрешив в 1931 г. самим хозяйственным ведомствам осуществлять оргнаборы необходимых им работников, отстранив органы труда от этой функции. Добавим, что, очутившись в центре мобилизационного «фронта», вопросы труда оказались под жестким директивным контролем партийных органов, превратив Наркомат труда и его краевые и областные органы в исполнительные структуры скорее регистрационного характера, а в 1933 г. и вовсе упраздненные.

***

Перманентность всевозможных «чисток» (среди них рассмотренная выше «генеральная» выделялась, по сути, лишь громким названием) в своем ходе и последствиях приходила в прямое противоречие с официально провозглашенными целями добиться более профессионального функционирования советской управленческой системы. В реальности происходил противоположный оптимизации результат – разрастание управленческого аппарата, что было неизбежным в условиях утверждения мобилизационной модели управления и контроля над базовыми сферами жизнедеятельности общества.

Если обратиться к простым статистическим показателям, то в межпереписной период с 1926 по 1939 гг. совокупная численность руководящего персонала (номенклатурных работников) выросла в СССР с 328 тыс. до почти 2 млн чел., оказавшись самым быстрорастущим элементом советского общества, превосходя по темпам прироста категории тех, кого относили к специалистам (с 1,4 млн до 6 млн чел). При этом внутри самой бюрократической корпорации наиболее значительным был вес и статус освобожденных партийных работников (около 300 тыс.), число которых превосходило даже количество руководителей колхозов (250 тыс. колхозов в 1937 г.), что может служить важным индикатором утверждения в СССР особого типа государственности – партийной. Из двух провозглашенных в ходе «генчистки» путей «оздоровления» госаппарата («коммунизирования» и «орабочивания» состава сотрудников) первый из них, безусловно, оказался не только сверхреализованным,

но и определявшим облик всей управленческой корпорации. Второй же так и остался стереотипным приемом, использованным сталинским режимом для самолегитимизации себя в качестве «рабоче-крестьянской власти».

В новейшем исследовании феномена «рабочего выдвиженчества» периода первой половины 1930-х гг. уральский историк М. А. Фельдман квалифицирует его как одну из форм социальных мобилизаций, позволившую привлечь необходимые кадровые ресурсы главным образом для пополнения среднего и нижнего звеньев чиновничества при «чудовищных масштабах отсева» в рядах самих выдвиженцев. При этом, как пишет ученый, чиновничий корпус поглотил активную (адаптировавшуюся) часть рабочего социума [Фельдман, 2020. С. 100–101].

В итоге «генчистка» вылилась в типичное издание «войны всех против всех» (по Т. Гоббсу), суть которой заключалось в том, чтобы направить многообразный конфронтационный потенциал кампании острием на нижние (и отчасти средние) звенья номенклатурной системы, напрямую или близко соприкасавшиеся с населением, не затрагивая основы самой ее конструкции и принципов рекрутирования (приток) и ротации («отсев») сферы управления.

Главная цель кампании для ее организаторов состояла в том, чтобы обеспечить таким способом поддержку необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения. Измерителями данной социальной мобилизационной кампании были такие ее отчетные характеристики, как массовость, интенсивность, непрерывность, численность «вычищенных» и тех, кто их замещал и т.д., то есть те критерии, которые не могут служить для оценки качественных результатов (повышение уровней управленческой деятельности и доверия к власти). Очевидно, по причине того, что сама «генчистка» идеологически и поведенчески была пропитана социальной конфронтационностью и агрессивностью, характерной для фазы утверждения сталинского персоналистского политического режима.

Литература

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.

Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: НОФ «Развитие», 1999. 250 с.

Голиков Ю. И. Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце [19]20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 181–210.

Киселева Е. А. Чистка государственного аппарата 1929–1932 годов // Российская история. 2009. № 1. С. 96–101

Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17

Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Органы партийно-государственного контроля (1923–1934 гг.). М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.

Пыстина Л. И., Голиков Ю. И. «Спеццы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 165–199, 398–406.

Соколов А. К. Советы: от власти иллюзий к иллюзии власти // Формирование административно-командной системы в 1920–30-е годы. М., 1992. С. 165–185.

Фельдман М. А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 94–103.

Статья поступила 22.05.2020.

Статья принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования: Красильников С. А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192.

Summary

Krasilnikov, S. A., Doct. Sci. (History), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk
“General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as Manifestation of a Party State Legitimacy Crisis

Abstract. During the post-revolutionary phase, the Soviet state transformed into a terrain of “permanent purges”, different in their purposes, forms and results, which have established a bridgehead for discrimination overgrowing into a state repressive system. Soviet propaganda and scientific discourse assessed “purges” as a tool of necessity to raise the professional level of the administrative apparatus. In current studies, a “general purge” is typified as one of the mechanisms to strengthen the Stalin’s regime. The paper substantiates the approach to administrative “purges” at the time of the “Great Turn” in the context of studying the systemic crisis of legitimacy of Party institutions in their relation with core social groups. The main intent of administrative “general purge” was to retain the power of the “corporate core” of oligarchic-type (manifestation of protective function) by means of sociopolitical mobilization of the confrontational type with multidirectional vectors. Therefore, new groups were drawn into the management sphere from the principal social basis (through “proletarianization”, “system of promotion”) and simultaneously it was accompanied by elimination of the so-called “former”, “non-Soviet”, “old” specialists. Thereby, both the officially announced goal (raising the level of managerial effectiveness of the government and enhancing its social legitimacy) and the hidden aim (securing its own bureaucratic core of power in spite of high

personnel turnover and drop-out) proved out of reach. The conflict of principles of doctrinism and pragmatism during this campaign undercut its effectiveness as a crisis-response measure.

Keywords: *'general purge' of state apparatus; legitimacy of power; doctrinism; pragmatism; protectiveness; sociopolitical mobilization*

References

Fel'dman, M.A. (2020). Promotees of 1917–1941: difficulty of the ascending mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*. No. 6. Pp. 94–103. (In Russ.).

Golikov, Yu.I. (1994). General “purge” of the Soviet apparatus of Siberia in the end of 1920s –beginning of the 1930s. In: *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolutsionnoi Sibiri (1920–1930-e gg.)*. Novosibirsk. Pp. 181–210. (In Russ.).

Kiseleva, E.A. (2009). Purge of the state apparatus in 1929–1932. *Rossiiskaya istoriya*. No. 1. Pp. 96–101. (In Russ.).

Merton, R.K. (2009). Unintended consequences of the deliberate social action. *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2. Pp. 5–17. (In Russ.).

Morozov, L.F., Portnov, V.P. (1964). *Supervisory bodies of political party control (1923–1934)*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. 223 p. (In Russ.).

Pystina, L.I., Golikov, Yu.I. (2004). «Specialists». In: *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gg.)*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ. Pp. 165–199, 398–406. (In Russ.).

Sokolov, A.K. (1992). Soviets: from the power of illusions to the illusion of power. In: *Formirovanie administrativno-komandnoi sistemy v 1920–30-e gody*. Moscow. Pp. 165–185. (In Russ.).

Velikanova, O.V. (2017). *Disappointed dreamers: Soviet society of the 1920s*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. 295 p. (In Russ.).

Volkov, S.V. (1999). *Intellectual class in the Soviet society*. Moscow, NOF «Razvitie» Publ. 250 p. (In Russ.).

For citation: Krasilnikov, S. A. (2020). “General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as Manifestation of a Party State legitimacy Crisis. *ECO*. No. 8. Pp. 164–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192.